

ГРОДНЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ по воскресеньямъ.

Адресъ Редакціи:
Купеческая ул., Соборный домъ.
Годовая цѣна 5 рублей.

При напечатаніи объявленій, за каж-
дую строкку или мѣсто строки, взи-
мается: за одинъ разъ 10 к. за два—
15 к. за три—20 к.

Годъ VI-й. 17-го сентября 1906 года. № 37.

Отъ Епарх. Училищнаго Совѣта.

Гродненскій Епархіальный Училищный Совѣтъ объявляетъ, что 25 сентября сего 1906 года, въ 12 часовъ дня, въ канцеляріи Совѣта (Архіерейскій домъ) будутъ производиться соревнованія на отдачу съ подряда а) постройки двухъ деревянныхъ домовъ, размѣрами 28 X 15 X 5 арш., при Тростяницкой церковно-учительской школѣ, въ селѣ Тростяницѣ, Бѣльскаго уѣзда, на каковую постройку Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ отпущено 9364 руб. 70 коп. и б) устройства крыши на зданіи Дятловской второклассной школы, взамѣнъ уничтоженной пожаромъ, на что Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ отпущено 2459 руб. 99 коп. А потому лица, желающія взять означенные подряды приглашаются къ соревнованію въ указанное время. Планы и смѣты могутъ быть разсматриваемы въ канцеляріи Училищнаго Совѣта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней отъ 10 час. утра до 3 час. по полудни.

ОТДѢЛЪ I ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Дѣйствія Правительства.

Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 21 августа 1906 года за № 9092 упраздненъ штатъ второго псаломщика при Мокренской церкви, Пружанскаго уѣзда.

Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.

Резолюціями Его Преосвященства: отъ 4 августа за № 2143 утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Топилецкой, — Бѣлостокскаго уѣзда, крест. Стефанъ *Нестеровскій*; Хорощанской, — того же уѣзда, кр. Петръ *Михальскій*; Здитовской, — Кобринскаго уѣзда, кр. Сергій *Клочко*; Стриговской, — того же уѣзда, кр. Сила *Ткачукъ*; Ивановской, — того же уѣзда, кр. Оома *Божко*; Снитовской, — того же уѣзда, кр. Борисъ *Король*; Люшневской, — Слонимскаго уѣзда, дворянинъ Николай Александровичъ *Захарченко*, и Коссовской, — того же уѣзда, кр. Иванъ *Борисевичъ*.

— Отъ 25 августа за № 2396 утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Ятвѣсской, — Гродненскаго уѣзда, кр. Викентій *Кривулько*; Шудяловской, — Сокольскаго уѣзда, кр. Иванъ *Грибко*; Велико-Лапеницкой, — Волковыскаго уѣзда, кр. Иванъ *Карась*; Волькообровской, — Слонимскаго уѣзда, кр. Василій *Хилмончикъ*; Зіоловской, — Кобринскаго уѣзда, кр. Матвѣй *Стасевичъ*, и Раснянской, Брестскаго уѣзда, кр. Григорій *Манчакъ*.

— Отъ 4 сентября за № 2412 настоятель церкви Красностокскаго монастыря, священникъ Владиміръ *Ро-*

мановскій, согласно прошенію, **перемѣщенъ** къ церкви села Пасынокъ, Бѣльскаго уѣзда.

— Отъ 6 сентября за № 2425 окончившій курсъ Литовской духовной семинаріи Александръ *Вѣнчаниновъ*, согласно прошенію, **назначенъ** псаломщикомъ Жерчицкой церкви, Бѣльскаго уѣзда.

— Отъ 11 сентября за № 2453 священникъ Сидерковской церкви, Сокольскаго уѣзда, Николай *Семеняко*, согласно прошенію, **перемѣщенъ** къ церкви Красностокаго женскаго монастыря.

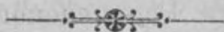
— За № 2472 **утверждены** въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Гудевичской, — Гродненскаго уѣзда, кр. Гавриль *Рудникъ*; Добровольской, — Волковыскаго уѣзда, крест. Борисъ *Дорожко* и Накрышской, — Слонимскаго у., кр. Григорій *Мякишъ*.

Вакантныя мѣста.

Священниковъ: въ с. Лашевичахъ, Волков. у. (11), с. Перковичахъ, Кобринскаго уѣзда (6), с. Колонтаяхъ, Волковыскаго уѣзда (3) и с. Сидеркахъ, Сок. у. (1).

Псаломщиковъ: въ с. Лашевичахъ, Волковыскаго у. (11), при церкви жел. дорожной ст. Погодино, Пружан. у. (5), при Кобринской Петро-Павловской церкви (4) и с. Островѣ, Сокольск. у. (2).

Иподіакона: при Гродненскомъ Кафедральномъ соборѣ.

ОТДѢЛЬ II НЕОФФИЦІАЛЬНЫИ.

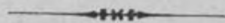
Х Р О Н И К А.

— 6-го сентября въ 5 часовъ вечера благополучно прибылъ въ гор. Гродну Преосвященный Михаилъ, Епископъ Гродненскій и Брестскій и вступилъ въ управленіе Епархіей.

— 7-го сентября Владыка отбылъ въ Красностокскій монастырь для совершенія торжественныхъ богослуженій наканунѣ и въ самый день праздника Рождества Пресвятыя Богородицы. При Архіерейскомъ богослуженіи въ эти дни молилось громадное число паломниковъ Сокольскаго и другихъ уѣздовъ губерніи. Въ числѣ богомольцевъ были: м. игуменія Лѣснинскаго монастыря Екатерина, г. Гродненскій губернаторъ Ф. А. Зейнъ и предсѣдатель Гродненскаго Софійскаго Братства В. И. Лебедевъ. Сослужило Владыкѣ до 20 протоіереевъ и іереевъ.

— 10-го сентября, въ воскресенье, послѣ божественной литургіи Его Преосвященство совершилъ въ кафедральномъ соборѣ молебень. Предъ молебномъ Архiepастырь благоволилъ возложить драгоцѣнный крестъ на предсѣдателя Епарх. Училищн. Совѣта, ключаря Собора, протоіерея о. Іоанна Корчинскаго, поднесенный ему ц.-школьными дѣятелями Гродненской губерніи, во вниманіе къ трудамъ въ должности Епархіальнаго наблюдателя.

— 11-го сентября, въ 1 часъ ночи, Его Преосвященство отбылъ изъ г. Гродны для ревизіи церквей епархіи.

Вдали отъ неба.

„МНѢ негдѣ, нечѣмъ, не зачѣмъ жить“, говоритъ молодая дѣвушка въ „Мѣщанахъ“ Горькаго. Эти слова на разные лады варьируются и во всей современной литературѣ. Исканіе смысла жизни и отчаяніе въ возможности найти его составляетъ основной мотивъ всѣхъ послѣднихъ произведеній Горькаго; „жизнь сѣра и безсмысленна“ — вотъ о чемъ всю жизнь писалъ покойный Чеховъ. Болѣе мелкіе литературные работники вторятъ имъ, но мѣрѣ своихъ силъ. Такое единодушіе, безъ сомнѣнія, не можетъ быть случайнымъ явленіемъ. Въ литературѣ, какъ въ фокусѣ оптического стекла, концентрируются обыкновенно лучи общественнаго самосознанія. И дѣйствительно: о бессмысленности жизни говорятъ не только герои романовъ и пьесъ, — почти ежедневно отъ живыхъ, невымышленныхъ людей приходится слышать ту или иную вариацию словъ Горьковской героини. Къ несчастью, дѣло далеко не ограничивается однѣми фразами. Безцѣльность жизни служитъ мотивомъ многихъ самоубійствъ среди молодежи. „Нѣтъ цѣли“ жить — это стало обычной фразой на предсмертныхъ запискахъ молодыхъ самоубійцъ. И все чаще и чаще молодья, полныя силъ и надеждъ существа уходятъ изъ жизни мучась ея безцѣльностью и темнотою. Смыслъ жизни какъ будто затерялся куда-то, затерялся такъ далеко, что найти его стало почти невозможно.

Гдѣ причина всего этого? Почему жизнь стала такой безцѣльной и бессмысленной?

Если человѣку нечѣмъ и не зачѣмъ жить, то это значитъ, что основное начало его жизни, то, чѣмъ эта жизнь питалась и поддерживалась, изжито, истрачено, обезцѣнено. Это значитъ, что то, для чего человѣкъ раньше жилъ, или для чего хотѣлъ жить, стало въ его глазахъ ненужнымъ, перестало удовлетворять его. А другого идеала, другой цѣли жизни онъ не можетъ или не хочетъ найти, и ему остается одно — уйти изъ жизни, —

потому что „тайна бытія человѣческаго не въ томъ, чтобы только жить, но въ томъ, для чего жить“, (Достоевскій, Бр. Карамазовы).

Никакое явленіе въ исторической жизни человѣчества не бываетъ случайнымъ. Все является неизбѣжнымъ, логическимъ слѣдствіемъ изъ предшествовавшихъ событій. Тоже самое и въ исторіи идей. Ни одной мысли, ни одного даже общечеловѣческаго настроенія не явилось внезапно,—всѣ они представляютъ изъ себя дальнѣйшее развитіе предыдущаго,—до извѣстной степени, конечно. Проповѣдь безсмысленности и безцѣльности жизни не представляетъ, очевидно, исключенія изъ этого правила. Человѣчество разочаровалось въ томъ, что ранѣе наполняло его жизнь; причина этого разочарованія кроется, безъ сомнѣнія, въ свойствахъ того начала, которымъ оно жило.

При взглядѣ на жизнь современнаго „культурнаго“ человѣчества ¹⁾ прежде всего бросается въ глаза то, что она протекаетъ *вдали отъ неба*. Никогда еще человѣчество такъ настойчиво не отказывалось смотрѣть вверхъ, какъ теперь. „Слабая сторона, недостатокъ блестящей внѣшности нашей эпохи въ забвеніи того, что между небомъ и землей существуетъ больше реальностей, чѣмъ могли констатировать такъ называемыя положительныя науки, даже все человѣческое знаніе“ ²⁾. Сознаніе Бога, какъ „недалече коегождо насъ суца“, въ настоящее время совершенно утратилось. Забытъ и христіанскій идеалъ жизни: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Мѡ. V, 48). Уже давно человѣчество не живетъ для этого идеала и вѣнцомъ своего развитія ставить совсѣмъ другое, противоположное словамъ Христа до крайности.

¹⁾ Спѣшимъ разъ навсегда оговориться: слово человѣчество нельзя принимать здѣсь въ полномъ смыслѣ. Имъ обозначается только группа ученыхъ и философовъ—преимущественно западныхъ, которые, предполагается, должны выразить направленіе своего времени.

²⁾ Вагнеръ. Молодежь, ея настоящее и будущее.

Чѣмъ же живетъ человѣкъ вдали отъ неба? Къ чему онъ идетъ, для чего работаетъ?

Постараемся намѣтить главные пункты культурной жизни передовой части современнаго человѣчества.

Безусловно—автократическое развитіе: изъ себя, чрезъ себя и *для себя*,—такова формула, въ которой краткое, но яркое выраженіе находитъ себѣ современный идеаль, разумѣется, съ формальной стороны. Какъ видно, эта формула совершенно исключаетъ вліяніе Высшаго контроля на жизнь человѣчества. Больше всего и прежде всего современные „передовые“ люди стремятся къ эмансипации отъ воли Божіей. Эта тенденція выражена злополучнымъ, но тѣмъ не менѣе очень моднымъ, Ницше въ такихъ словахъ: „Богъ, который все видѣлъ, даже человѣка: этотъ Богъ долженъ былъ умереть. Человѣкъ не выносить, чтобы такой свидѣтель жилъ“. Если же человѣчество перестало жить для Бога, то, очевидно, оно живетъ исключительно для себя. Всѣ его стремленія не должны уходить дальше земли, потому что *своими* силами человѣкъ не можетъ подняться къ небу. „Заклинаю васъ, братія мои, взываетъ Ницше, оставайтесь вѣрны землѣ и не вѣрьте тѣмъ, кто говоритъ вамъ о надземныхъ надеждахъ!“ (Соч. т. III).

Такимъ образомъ господствующее нынѣ направленіе хочетъ уложить жизнь человѣчества въ такую форму: вдали отъ неба, оставаясь вѣрнымъ землѣ, человѣкъ долженъ развиваться *своими* силами и *для* себя. Какое же содержаніе стремится оно влить въ эту форму?

Съ философской точки зрѣнія современное направленіе человѣческой мысли можно охарактеризовать какъ *пантеизмъ*. Отказываясь отъ личнаго Творца міра, оно признаетъ этотъ самый міръ самодовлѣющимъ началомъ, а человѣка, какъ высшее выраженіе міроваго сознанія, его естественнымъ владыкою. А это и составляетъ сущность пантеизма³⁾. Уже самое названіе современнаго

³⁾ Прекрасную характеристику пантеизма даетъ проф. А. Введенскій въ „Prolegom.“ къ „Религіозному сознанію язычества“.

направленія даетъ понятіе о его характерѣ. Эмансипировавшись отъ воли Божіей, человѣкъ безъ сомнѣнія долженъ былъ чѣмъ-нибудь замѣнить высочайшій идеаль Творца и Спасителя. И такая замѣна дѣйствительно совершилась. Идею ея подалъ Гегель своими тремя ступенями развитія абсолютнаго. По крайней мѣрѣ уже Фейербахъ говоритъ въ своей „Сущности религіи“: „всякая религія есть иллюзія; человѣкъ приписываетъ свои собственныя свойства существу, которое признаетъ отдѣльнымъ отъ своего сознанія. Богъ есть просто идеализированный человѣкъ, какимъ онъ долженъ быть и какимъ онъ когда-нибудь будетъ“⁴⁾. Это обожествленіе человѣка красной нитью проходитъ чрезъ всю исторію новѣйшей западной, а отчасти и нашей отечественной мысли. Но между Богомъ, котораго исповѣдуемъ мы, христіане, и человѣко-богомъ, или по модной терминологіи, сверхчеловѣкомъ, лежитъ цѣлая пропасть. Богъ христіанина по своему характеру, есть *любовь* (1 Іоан. IV, 16). Благость и милосердіе Бога—Спасителя— основная черта христіанства. И само христіанство прежде всего есть любовь въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: любовь къ Богу и ко всему міру, начиная отъ самаго великаго человѣка и кончая малѣйшей былинкой, ничтожнѣйшимъ насѣкомымъ. „Вѣрь въ великую силу любви“, какъ бы говоритъ оно своимъ послѣдователямъ и, дѣйствительно, любовь христіанская творитъ чудеса.

Человѣко-богъ представляетъ изъ себя совершенно иное. Онъ долженъ явиться какъ результатъ естественнаго или какого бы-то ни было подбора, вслѣдствіе котораго, по мнѣнію Дарвина, произошли всѣ живыя существа. А этотъ самый подборъ своимъ основнымъ стимуломъ имѣетъ борьбу за существованіе. Слѣдовательно,

⁴⁾ Знаменитый Ренанъ выражаетъ ту же мысль: „Итакъ вы думаете, говоритъ онъ, что Бога нѣтъ, но что онъ будетъ? Не совсѣмъ такъ: Онъ отъ вѣчности существуетъ, но Онъ не реализовать,—Онъ будетъ нѣкогда реализованъ сознаніемъ, аналогичнымъ нашему, но безконечно его превосходящимъ... Универсальная задача всего живущаго—усовершенствовать Бога: организовать человѣчество, разумъ нѣкогда организуетъ и Бога.“

будущій богъ пантеистовъ долженъ обладать всѣми качествами, нужными для побѣды въ этой борьбѣ. Это будетъ красивое, сильное и безжалостное *животное* ⁵⁾. Для этого существа, очевидно, нельзя признать обязательными наши понятія о добрѣ и злѣ. Оно неминуемо должно создать *свое* добро, *свое* зло. Наиболѣе типичный проповѣдникъ идеи о сверхчеловѣкѣ—Ницше—такъ говоритъ объ этомъ: „Можешь ли ты дать себѣ свое добро и свое зло?.. Можешь ли ты быть своимъ собственнымъ судьей и мстителемъ закона твоего? Нравственные принципы сверхчеловѣка будутъ, конечно, очень далеки отъ христіанской любви, потому что „человѣкъ долженъ дѣлаться лучше и *злѣе*“. „Неравенство есть необходимое условіе прогресса, если угодно самая его цѣль, поскольку онъ стремится къ созданію высшихъ формъ, ибо эти высшія формы нуждаются въ низшихъ, какъ въ своемъ матеріальномъ условіи существованія, и должны подчинять, поработать ихъ себѣ. Матеріальный трудъ есть и долженъ быть рабомъ умственного, духовнаго труда; низшія расы должны быть рабами высшихъ; позволительно прибѣгать даже къ кнуту, чтобы заставить ихъ строить пирамиды, позволительно быть тиранами, чтобы обезпечить духу его торжество“ (Ренанъ). Итакъ, значитъ, на своемъ пути этотъ сверхчеловѣкъ будетъ губить и давить все слабое, потому что этимъ путемъ можно обезпечить торжество духа. А достигнувъ своей цѣли, человѣкъ будетъ представлять изъ себя, по мнѣнію Ренана, наслаждающійся комокъ нервовъ, работать же будутъ за него машины. Богъ, какъ видно, довольно странный.

Конечно, идеей сверхчеловѣка не исчерпывается вполне содержаніе умственной жизни человѣчества. Но это наиболѣе типичный пунктъ отказавшагося отъ стремленія къ небу міросозерцанія. Это цѣль жизни „культурнаго“ человѣчества. А достоинство всякаго рода дѣятельности опредѣляется именно ея цѣлью. Поэтому, для

⁵⁾ Говоримъ—животное, потому что въ немъ немислимо главное качество духовной жизни человѣка—стремленіе къ Божеству, къ небу.

оцѣнки господствующаго направленія новой культуральной исторіи человѣчества, намъ достаточно быть знакомымъ съ цѣлью этого направленія.

Итакъ, человѣчество ушло отъ неба и живетъ для земли. Какое бы то ни было участіе въ міровой жизни Высшаго Существа оно отрицаетъ. А это значитъ, что новѣйшій пантеизмъ есть полнѣйшая противоположность христіанства, коренное его отрицаніе. Безъ участія Бога невозможно ни воплощеніе Сына Божія, ни спасеніе міра. Отсюда въ современномъ пантеизмѣ полнѣйшее отрицаніе поврежденности духовной и физической природы человѣка. Отрицаніе личнаго безсмертія предполагается уже самымъ названіемъ „пантеизмъ“,—и тоже, значитъ, составляетъ характерную черту современнаго міросозерцанія. Затѣмъ, такъ какъ добро и зло сознаются, какъ такія, только постольку, поскольку они являюся въ сознаніи какъ *должное* и *недолжное*, а такую обязательность можетъ дать только слово Премірноличнаго Бога, то нравственное безразличіе—одна изъ важнѣйшихъ характерныхъ чертъ новѣйшаго пантеизма. Если же добро и зло условны, то, конечно, совѣсть, не судья человѣка, а неумѣстный наростъ на духовной организаціи человѣка. По сравненію съ христіанствомъ пантеизмъ, очевидно, оказывается чѣмъ-то весьма неустойчивымъ, колеблющимся. Тогда какъ первое санкціонируетъ всѣ высшія свойства природы человѣка, послѣдній считаетъ ихъ не только не высшими, но даже иногда болѣзненными (совѣсть). Если Евангеліе на первыхъ же страницахъ возвѣщаетъ: „Не изнеможеть у Бога всякъ глаголъ“, то пантеистамъ новѣйшаго покроя остается только повторить слова Беранже:

„Господь! Если къ правдѣ святой
Міръ дорогу найти не сумѣетъ—
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой“.

Другими словами—истина и ложь, добро и зло—
это все равно.

Какъ мы уже сказали, человѣчество отказалось отъ Христа. Что же оно потеряло, уходя въ сторону отъ Бога? А это легко увидѣть, выяснивъ себѣ,—что такое для христіанина христіанство. Вопросъ нужно поставить именно такъ: что такое христіанство для *христіанина*, потому что отказались отъ Христа *христіане*. Всякому ясно, что христіанство для христіанина есть именно то оживотворяющее начало, безъ котораго его жизнь невысказима. Оно одно даетъ его духовной жизни смыслъ и содержаніе и, отказываясь отъ него, человѣкъ, естественно, дѣлаетъ свое существованіе бессодержательнымъ и бессмысленнымъ. Да и всякое начало жизни, какъ бы далеко отъ христіанства по своей цѣнности оно ни было, разъ оно изжито, не оставляетъ послѣ себя человѣку возможности существованія. И это не только по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ: тоже самое замѣчается и въ жизни цѣлыхъ народовъ. Римъ былъ великъ и могучъ, покуда жилъ для своего идеала, но разъ этотъ идеалъ былъ достигнутъ, всемірный городъ долженъ былъ пасть. Не варвары сокрушили Римъ: онъ палъ потому, что основное содержаніе его жизни изжито, исчерпано до дна. Римъ не могъ пережить самого себя.

Результаты отреченія отъ христіанства мы уже отчасти видѣли: это отвращеніе къ жизни и проповѣдь ея бессмысленности. Безъ сомнѣнія, такое настроеніе является прямымъ слѣдствіемъ той апоѳеозы человѣка, которой было наполнено предыдущее столѣтіе. И на самомъ дѣлѣ: параллельно съ развитіемъ современныхъ воззрѣній на аренѣ человѣческой мысли завоевываетъ себѣ почетное мѣсто пессимизмъ,—это настоящее дитя XX вѣка. Никогда раньше пессимизмъ не выражался въ такихъ рѣзкихъ формахъ, не былъ такъ популяренъ и не обнаруживалъ такой устойчивости, какъ теперь. Пессимистамъ кажется невѣроятнымъ даже предположеніе, чтобы жизнь могла существовать для наслажденія и человѣкъ могъ быть счастливымъ. Всякое благо жизни даетъ въ результатъ больше страданія, чѣмъ удовольствія и, стало быть, приобрѣтеніе его не стоитъ труда. Свѣтлый взглядъ на

жизнь кажется людямъ этого рода даже преступленіемъ. „Для меня, говоритъ Шопенгауеръ, оптимизмъ, если онъ только не безсмысленныя рѣчи тѣхъ, подъ плоскими лбами которыхъ ничего не гоститъ, исключая словъ, является не только нелѣпнымъ, но также и истинно *безнравственнымъ* образомъ мыслей, какъ горькая насмѣшка надъ несказанными страданіями человѣчества“⁶⁾. Такое настроеніе, конечно, вполне естественно, ибо цѣль человѣчества оказывается такой, что для нея жить не стоитъ. „Кто хочетъ смысла въ жизни, тотъ—каковъ бы ни былъ этотъ смыслъ,—прежде всего долженъ быть смѣлъ, долженъ быть готовъ отдать за него все (Вересаевъ „На поворотѣ“). А развѣ можно отдать все за *земную* сытость, *земное* счастье? Такіе идеалы хорошо выдумывать въ кабинетѣ, но съ ними нечего дѣлать въ жизни. Въ концѣ концовъ неминуемо что-нибудь одно—или отреченіе отъ этого идеала, или... смерть.

Нѣтъ, я больше не вѣрую въ вашъ идеаль,
И впередъ я гяжу равнодушно:
Еслибъ міръ вашихъ грезъ наконецъ и насталь,—
Мнѣ бъ въ немъ было мучительно душно:
Сколько праведной крови погибшихъ борцовъ,
Сколько свѣтлыхъ созданій искусства,
Сколько подвиговъ мысли, и мукъ, и трудсвъ,
И итогъ этихъ трудныхъ рабочихъ вѣковъ—
Пиръ животнаго сытаго чувства!
Жалкій, пошлый итогъ...⁷⁾

Дѣйствительно, горько и больно видѣть итогомъ многовѣковой работы мысли—наслаждающійся комокъ нервовъ. А какой другой итогъ можно видѣть, если человѣчество живетъ *вдали* отъ неба? Вполнѣ понятны, поэтому, и другіе стихи того же поэта, въ которыхъ онъ съ горькимъ чувствомъ характеризуетъ жизнь обезцѣненную одухотворявшимъ ее началомъ:

⁶⁾ „Миръ, какъ воля и представленіе“. Ч. IV.

⁷⁾ Надсонъ. См. у него на эту же тему стихотвореніе „Грядущее“.

Бѣдна, какъ нищая, и какъ рабыня лжива,
Въ лохмотья яркія пестро наряжена—
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть взглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобою
Она лицомъ къ лицу,—и ты поймешь обманъ
Ея величія, подъ ветхой мишурою,
И красоты ея подъ маскою румянъ.

Призракъ человѣко-бога, дѣйствительно, красивъ только издали, но при ближайшемъ взглядѣ оказывается мишурнымъ богомъ Вааломъ, сильнымъ только поддержкою своихъ жрецовъ. Но теперь ему уже нечего ждать своего Даніила,—онъ падаетъ самъ собою отъ собственной тяжести.

Но, скажетъ какой-нибудь исповѣдникъ новыхъ принциповъ, все это подтасовка фактовъ и идей. Дѣйствительно существуетъ ученіе о человѣко-богѣ, какъ цѣли развитія человѣчества, и это ученіе является однимъ изъ главныхъ принциповъ современнаго міросозерцанія. Но съ пессимизмомъ, каковъ бы онъ ни былъ, это ученіе не имѣетъ ни малѣйшей связи, и всего менѣе можно предположить между ними отношеніе причинности. Проповѣдь бессмысленности жизни совсѣмъ не слѣдствіе пантеистическаго міросозерцанія.

Конечно, все это очень можетъ быть и какъ разъ тѣ слова и горькія жалобы на пустоту жизни, которыя мы привели, могли вырваться у ихъ авторовъ подъ влияніемъ совсѣмъ другихъ причинъ, могли явиться не какъ слѣдствіе разочарованія именно въ пантеизмъ новаго времени. Это не представляетъ для насъ большой важности. Для насъ имѣетъ значеніе не то, являются ли они слѣдствіемъ современнаго міросозерцанія, а то, *возможны* ли они, какъ его слѣдствіе? И мы смѣло и увѣренно можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ, что это вполне возможно, и даже необходимо. Такая необходимость обуславливается, конечно, свойствами современнаго міросозерцанія.

Чтобы оцѣнить достоинство господствующаго культурнаго направленія и выяснить необходимость его паденія, намъ вѣтъ нужды считаться со всѣми его деталями. Какъ выше уже замѣчено, достаточно знать, какъ оно отвѣчаетъ на основной вопросъ философіи: на вопросъ о цѣли и смыслѣ жизни. Вѣдь „первый вопросъ, на который должна отвѣтить всякая философія, имѣющая притязаніе на общій интересъ, есть вопросъ о цѣли существованія * ⁸⁾. Какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ современный пантеизмъ, мы уже видѣли. Остается, значить, только опредѣлить цѣнность этого отвѣта.

Всякая оцѣнка основывается на сравненіи. Чтобы узнать, насколько извѣстная вещь отвѣчаетъ своему назначенію, нужно сравнить ее съ другими такими же и, что всего важнѣе, съ тѣмъ, чѣмъ она должна бы быть. При сравнительной оцѣнкѣ идей прежде всего нужно обращать вниманіе на то, насколько извѣстная идея приближается къ истинѣ. Мы знаемъ безусловно-истинный отвѣтъ на вопросъ о цѣли и смыслѣ жизни (Мѡ. V, 48), и всякій другой отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно, слѣдовательно, оцѣнивать сравнительно со словами Христа.

Мы уже имѣли случай говорить о несоотвѣтствіи и даже противоположности пантеистическаго и христіанскаго идеаловъ. Идеаль христіанина выраженъ въ извѣстныхъ словахъ: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“. Пантеисты говорятъ тоже самое, такъ какъ признаютъ Бога только идеализированнымъ человѣкомъ, (Фейербахъ, Ренанъ, Штраусъ), но какъ противоположно христіанству это „тоже самое!“ Богъ, которому нужно уподобляться, у нихъ только идеализація человѣка, — пустой абстрактъ. И самая эта идеализація какъ далека отъ того Бога, какому служатъ христіане! Это двѣ полнѣйшія противоположности (см. выше).

Такимъ образомъ новѣйшій пантеизмъ представляетъ полнѣйшую противоположность христіанству. А такъ какъ христіанство есть безусловная истина, то тѣмъ самымъ

⁸⁾ В. Соловьевъ. Филосовскія начала цѣльнаго изданія, т. I.

выясняется и то, что новѣйшее направленіе противоположно истинѣ. Далѣе, такъ какъ христіанство полнѣйшее выраженіе возможнаго на землѣ добра, а пантеизмъ противоположенъ ему, то, значить, онъ есть въ тоже время противоположность и добра. Вслѣдствіе всего этого онъ неминуемо долженъ придти къ банкротству. Вѣдурному можетъ принадлежать день, истинному же и хорошему принадлежитъ вѣчность“⁹⁾).

Пантеизмъ противорѣчитъ истинѣ. Но вѣдъ человекъ, хотя и не вѣчно, можетъ жить и ложью. Значить, одно противорѣчіе христіанству еще не объясняетъ того отчаянія, которымъ въ концѣ концовъ проникаются пантеисты. Та скука и апатія, которыя составляютъ характерныя черты нашего времени, обусловливаются антирелигіозными тенденціями пантеизма—антирелигіозными въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Вѣдъ это направленіе отрицаетъ вліяніе на жизнь какого бы то ни было Высшаго Контроля¹⁰⁾, а религія прежде всего предполагаетъ извѣстныя *отношенія* человека къ Богу¹¹⁾. Если же Богъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на жизнь, то, естественно, религія немыслима. А между тѣмъ человекъ называютъ существомъ „субстанціально-религіознымъ“; говорятъ, что „религіозная жизнь есть *grius* всякой подлинно-человѣческой жизни“,—и это безъ сомнѣнія справедливо. Отрѣшаясь отъ религіи, человекъ такимъ образомъ отрѣшается отъ своей *сущности*, т. е. одного изъ главныхъ условій существованія. Если уже отрѣшеніе отъ внѣшняго жизненнаго начала ведетъ къ моральному банкротству, то отрѣшеніе отъ сущности должно вести къ полному *уничтоженію*.

Итакъ, вотъ почему новѣйшее направленіе культурной исторіи человечества вызываетъ такіе плачевные

⁹⁾ Паульсенъ. Введеніе въ философію.

¹⁰⁾ Все равно, какимъ образомъ—отрицая-ли вообще Божество (пантеизмъ), или только не признавая Его вмѣшательства въ жизнь міра (деизмъ), или признавая Бога чисто имманентнымъ міру. Все это только разныя формы пантеизма, имѣющія весьма несущественное и поверхностное различіе.

¹¹⁾ По словопроизводству Лактанція *religare*—связывать, соединять.

результаты, — оно отрицает даже малѣйшую тѣнь религіознаго чувства человѣка. Это однако, конечно, достаточно, чтобы признать его несостоятельность и констатировать то, что *вдали отъ неба* жизнь человѣка утрачиваетъ подъ собою всякую почву. Но и съ точки зрѣнія естественнаго разума легко видѣть полнѣйшую безосновательность новѣйшаго пантеизма.

Ученіе о человѣко-богѣ опирается на теорію эволюціи. Сверхчеловѣкъ, безъ сомнѣнія, долженъ представлять изъ себя отдѣльный, по отношенію къ человѣку видъ, развившійся путемъ подбора. Но слишкомъ рискованно было бы утверждать, что такой видъ появится. А это необходимо долженъ быть отдѣльный видъ, потому что теперь въ человѣкѣ очень мало признаковъ „божественности“. Да и вообще животный міръ развивается путемъ прибавленія къ лѣстницѣ органическихъ существъ новыхъ ступенекъ. Но теорія эволюціи представляется по существу дѣла очень сомнительной. Такой фактъ, какъ существованіе Христа, почти въ конецъ подрываетъ ее, такъ какъ сводитъ на нѣтъ ученіе о строго-последовательной законмѣрной связи явленій. Самъ Дарвинъ признаетъ, что главное отличіе животнаго отъ человѣка въ нравственномъ чувствѣ, *не приобрѣтаемомъ*, а врожденномъ *исключительно* ему. Если же такъ, то и сверхчеловѣческія свойства должны быть врождены человѣку, а этого нѣтъ. И на появленіе сверхчеловѣка, значить, надежды нѣтъ почти никакой.

Такъ какъ нельзя рассчитывать на исполненіе пантеистическихъ чаяній, то, очевидно, ихъ идеаль жизни — чистѣйшая фикція. Какъ фикція, онъ, естественно, не отвѣчаетъ требованіямъ общечеловѣческаго идеала. „По нашему мнѣнію, благо, къ которому слѣдуетъ стремиться ради него самого, (а такимъ и долженъ быть общечеловѣческій идеаль), совершеннѣе того блага, къ которому мы стремимся ради другого, — однимъ словомъ, совершеннымъ, окончательнымъ и полнымъ мы можемъ признать только то, что достойно стремленія къ нему само по себѣ, а не ради другой какой-нибудь цѣли. Повидимому,

счастье обладает именно такимъ свойствомъ: мы стремимся вѣчно къ нему ради него самого, а не ради чего либо другого“¹²⁾. Стремясь къ уподобленію Отцу небесному, человѣкъ тѣмъ самымъ достигаетъ счастья, потому что счастье и заключается въ приближеніи къ Богу. Между тѣмъ идея развитія рѣшительно ничего не гарантируетъ въ отношеніи къ вопросу о счастьи. Да и самыя свойства сверхчеловѣка, среди которыхъ видную роль играетъ эгоизмъ, едва ли позволяютъ надѣяться на его счастье.

Такой идеаль, очевидно, не можетъ быть соответствующимъ природѣ человѣка. Слишкомъ ясно, что онъ выдуманъ, навязанъ человѣку извнѣ. „Человѣкъ самое кроткое и богоподобное животное“, говоритъ Платонъ, — и нѣтъ основаній сомнѣваться въ истинѣ его словъ. А пантеисты проповѣдуютъ безжалостность! При ложномъ воспитаніи, продолжаетъ Платонъ свою мысль, — это самое необузданное изъ всѣхъ животныхъ, какихъ только производитъ земля“. А за ложное воспитаніе съ успѣхомъ можетъ сойти навязываніе пантеистами человѣку своихъ идей. Человѣкъ по природѣ вовсе не безжалостенъ, — ему „свойственно любить даже тѣхъ, которые его оскорбляютъ“ (Маркъ Аврелій). Какъ могли бы иначе появиться ученія, сходныя съ нравственнымъ ученіемъ Христа?

Въ настоящее время пантеизмъ переживаетъ кризисъ. Разложеніе началось уже давно, и еще 30 слишкомъ лѣтъ назадъ возможны были слова: „Кризисъ западной философіи“. Новѣйшимъ пантеистамъ остается или вернуться къ ученію Христа и Церкви, или объявить свое банкротство. Что они сдѣлаютъ, — покажетъ будущее.

«Православно-Русское Слово».

Н. Т.

¹²⁾ Аристотель. Этика. Къ Никомаху,

Голосъ духовенства въ Государственной Думѣ.

Въ составѣ членовъ Государственной Думы было шесть священниковъ—депутатовъ: Волынской губ. о. Авдій Концевичъ, Воронежской губ. о. Поярковъ, Вятской губ. о. Огневъ, Донской области о. Афанасьевъ, Кишиневской губ. о. Гума, Тамбовской губ. о. Воздвиженскій.

Интересно прослѣдить, что говорили, какіе интересы поддерживали въ Думѣ эти депутаты—священники?

Среди многочисленныхъ рѣчей, раздавшихся въ Государственной Думѣ, совершенно одиноко прозвучалъ голосъ депутата—священника Бессарабской губ. о. Гумы.

Телеграфныя агентства почему-то вовсе не сочли нужнымъ упомянуть о заявленіи, сдѣланномъ этимъ депутатомъ по поводу отвѣтнаго адреса.

Кадетскія же газеты, передавая содержаніе его заявленія, обыкновенно берутъ при этомъ насмѣшливый ироническій тонъ.

Между тѣмъ, думается, что рѣчь депутата-священника о. Гумы заслуживаетъ иного, болѣе серьезнаго и внимательнаго отношенія къ себѣ, а не такого поверхностно-снисходительнаго и легкомысленно-презрительнаго.

Въ самомъ дѣлѣ, послушаемъ, что говорилъ о. Гума.

„Милостивые государи, отцы и братья! Позвольте мнѣ, скромному бессарабцу, внести маленькую лепту въ богатую словесную сокровищницу, здѣсь собранную. Я не буду говорить о томъ, что въ адресѣ ни слова не упомянуто о духовенствѣ, я предоставляю это истинѣ, правосудію и власти Государственной Думы. Примыкая къ тексту всеподданнѣйшаго адреса, я не могу не указать, что въ немъ не упомянуто имени Бога. Между тѣмъ, съ этимъ именемъ все населеніе

послало насъ сюда; вѣдь Богъ есть альфа и омега, т. е. начало и конецъ всякаго дѣла. Было-бы весьма пристойно, съ согласія почтеннѣйшей комиссіи, упомянуть въ адресѣ: да благословить Царя, Думу и народъ Господь Богъ. Безъ этой фразы адресъ представляется мнѣ многочисленнымъ обществомъ, лишеннымъ присутствія всѣмъ знакомаго лица. Всеподданнѣйшій адресъ — это наша фотографія и потому я признаю его весьма важное значеніе. Почему намъ, въ самомъ дѣлѣ, почтѣе не говорить о Богѣ? Пусть Монархъ вмѣстѣ съ правительствомъ и нами образуетъ царство единое и нераздѣльное, царство мира и любви“. (Апеллодисменты).

Спрашивается, что же здѣсь есть такого, что могло бы вызвать удивленіе, недоумѣніе, или даже насмѣшливыя, ироническія улыбки? Неужели одно только упоминаніе о Богѣ?.. Прискорбно, но оказывается, что это такъ.

И неволью припоминается при этомъ сцена въ аѳинскомъ ареопагѣ когда послѣ проповѣди апостола Павла о Христѣ, „иные насмѣхались“.

На грустныя думы наводитъ этотъ печальный фактъ. Въ самомъ дѣлѣ, Государственная Дума отвергла предложеніе о. Гумы внести въ текстъ адреса призваніе Божія благословенія на ея дѣятельность. Что значить это?

Не признакъ ли это того, что въ Государственной Думѣ, какъ въ фокусѣ, сконцентрировалось и нашло свое выраженіе общее, всюду замѣчаемое въ послѣднее время, настроеніе упадка вѣры...

При томъ же вспомнимъ, что большинство членовъ Думы составляли лѣвые элементы, оппозиціонные не только въ отношеніи государства, но и церкви; и великое слово „Богъ“, въ которомъ для вѣрующей души „все“, для нѣхъ — „ничто“; самые крайніе социалистическіе элементы прямо заявляютъ, превосходя своими „безумными глаголами“ древняго безумца, что

„Богъ у нихъ уже въ расчетѣ и больше на службѣ не состоитъ“.

Такимъ образомъ, скромное предложеніе скромнаго бессарабскаго іерея—депутата оказывается имѣющимъ весьма важное значеніе, какъ такъ даетъ возможность опредѣлить общее настроеніе бывшаго состава членовъ Государственной Думы.

Предложеніе это, исходя изъ настроенія души христіанской, глубоко воспринявшей и усвоившей духъ евангелія Христова,—духъ Сына, который, пребывая въ Отцѣ, дѣлалъ всегда то, что угодно Ему, исполняя волю Его,—явилось какъ-бы свѣтлымъ лучемъ, освѣтившимъ темныя глубины господствовавшаго въ Думѣ настроенія.

И тьма спустилась и покрыла его.

Но стало тогда ясно, что побоялась Государственная Дума почему-то упоминанія имени Божія, словно человѣкъ, который боится свѣта, чтобы не обнаружались его темныя дѣянія.

Ясно стало также, при устроеніи новыхъ порядковъ жизни государственной и народной, Дума будетъ руководствоваться не принципами христіанской нравственности,—припомнимъ рѣчь Родичева, который такъ рѣзко раздѣлялъ политику и нравственность,—при свѣтѣ которыхъ только и возможно осуществленіе „единого нераздѣльнаго царства мира и любви“, а темными инстинктами, произвольнымъ субъективнымъ настроеніемъ большинства и той игрой страстей, которая составляетъ существенный характерный признакъ иного царства, гдѣ царствуетъ „богъ вѣка сего“.

Умолчавъ почему-то о заявленіи о. Гумы, телеграфное агентство поторопилось всѣхъ оповѣстить объ инцидентѣ, вызванномъ заявленіемъ волынскаго депутата священника о. Концевича.

При обсужденіи пункта объ удовлетвореніи требованій отдѣльныхъ національностей и развитіи своеобразія въ отдѣльныхъ сторонахъ ихъ бытовъ, свящ.

Концевичъ совершенно серьезнымъ тономъ предложилъ закончить этотъ пунктъ словами: „вообще Дума озабочится, чтобы русскій народъ утратилъ свою національность и своеобразие, а Россія потеряла самое свое имя“. Собрание въ первый моментъ даже не нашлось, что ствѣтить на это предложеніе. Затѣмъ проф. Петражицкій заявилъ, что подобныя ироническія предложенія являются глумленіемъ надъ Думой и неуваженіемъ къ тому высокому собранію, предъ которымъ они произносятся. Собрание посредствомъ долго несмолкавшихъ аплодисментовъ выражаетъ свое порицаніе депутату свящ. Концевичу, и когда предсѣдатель предлагаетъ баллотировать поправку, то громкими криками отвергаетъ баллотировку.

Конечно, съ точки зрѣнія отвергнувшихъ поправку, она казалась иронической. Но свящ. Концевичъ дѣлалъ ее совершенно серьезно, и притомъ не *ex abrupto*, какъ это представляется телеграммными извѣстіями, умолчавшими о предшествующихъ рѣчахъ того же депутата. Еще наканунѣ, въ засѣданіи 3-го мая, во время преній по поводу отвѣтнаго адреса, свящ. Концевичъ говорилъ: „мнѣ кажется, что путь, намѣченный въ адресѣ, можетъ привести къ тому, что народное волненіе разольется по всей странѣ и увлечетъ собою и насъ, и то дѣло, къ которому мы призваны лучшими людьми, погибнетъ. Я говорю это потому, что знаю, что отвѣтныи адресъ не вызоветъ симпатій громаднхъ массъ народа, потому что въ этомъ адресѣ не указано почетнаго мѣста русскому народу, который, по мнѣнію массъ, имѣетъ право на почетное мѣсто, какъ творецъ Россіи и ея хозяинъ, вынесшій на своихъ плечахъ весь гнетъ и борьбу за свое существованіе и свободу. Прошу помнить объ этомъ и исполнить свой долгъ передъ родиной, совѣстью и Думой“. (Аплодисменты на вѣкоторыхъ скамьяхъ справа). Такимъ образомъ, предлагая свою поправку, свящ. Концевичъ, высказывалъ лишь свое мнѣніе, „что утрата своеобразія и даже имени Россіи“ (припомнимъ предложеніе Карѣева выраженія въ адресѣ „русская земля“ и „русскій языкъ“ замѣнить другимъ соответствующимъ выра-

женіемъ, подразумѣвающимъ всѣ народы, населяющіе Россію) составляетъ логическій неизбѣжный выводъ и дальнѣйшее развитіе тѣхъ посылокъ, основы которыхъ заложены въ отвѣтномъ адресѣ.

А правильно ли это мнѣніе свящ. Концевича, покажетъ только будущее.

Но кромѣ рѣчей о. Гумы и о. Концевича, которыя Думой обычно „не принимаются“, раздавались тамъ и иныя голоса священниковъ-депутатовъ, которые встрѣчались шумными одобреніями и апплодисментами Думы. Это голоса тѣхъ священниковъ, которые вторятъ и попадаютъ въ тонъ общему настроенію большинства членовъ Думы.

Когда послѣ рѣчи военнаго прокурора Павлова, дававшего объясненія по поводу запроса о смертныхъ казняхъ, Дума, у которой не нашлось слова для осужденія политическихъ убійствъ, завопила: „палачи, убійцы“!... и вслѣдъ затѣмъ полились рѣчи одна другой грознѣй, одна другой страшнѣй, то въ этомъ общемъ стонѣ соединились въ одно и еврей Ледницкій и священникъ Афанасьевъ. Вотъ рѣчь священника депутата Донской области.

„Господа народные представители, для меня, какъ служителя Бога, Бога свободы и любви, совершенно непонятенъ слышанный сейчасъ отвѣтъ главнаго военнаго прокурора. Отвѣтъ этотъ сводится въ сущности къ утвержденію, что всѣ смертныя казни совершены правильно, на точномъ основаніи закона. Но что это за основаніе незаконныхъ законовъ. Въ основу каждаго закона надо класть современныя начала, а не тѣ, которыя оправдывались при существованіи кровавой мести и права сильнаго. Мы живемъ въ такіе дни, когда долженъ торжествовать великій завѣтъ: поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ.

„Я не могу не вспомнить, что въ то время, какъ въ Севастополѣ разыгралось освободительное движеніе и былъ казненъ легендарный боецъ за свободу Шмидтъ (оратора прерываютъ шумные апплодисменты), одинъ изъ бывшихъ министровъ посылалъ намъ, священникамъ, цир-

кулярное распоряженіе о томъ, чтобы мы не смѣли молиться за этого человѣка. Молитвенникъ земли русской министръ Дурново просмотрѣлъ великую заповѣдь „Не убій“, и за нимъ продолжаютъ казнить безъ всякаго милосердія. Это равносильно презрѣнію божескихъ и человѣческихъ законовъ.

„Въ первый разъ Дума высказала министрамъ свое недовѣріе, во второй разъ она посовѣтовала имъ уйти. Что же намъ сказать имъ въ третій разъ?... Богъ заклеилъ печатью проклятія перваго братоубійцу Каина. Скоро можетъ разразиться снова гнѣвъ Божій и надъ этими насильниками. Страна взволнована убійствами. Если надъ ней не перестанутъ издѣваться, виновникамъ придется стать лицомъ къ лицу съ народомъ и тогда они не устоятъ на своихъ основаніяхъ“.

Рѣчь о. Афанасьева покрылась долгими и бурными аплодисментами.

По поводу этой рѣчи „Новое Время“ пишетъ: „въ Госуд. Думѣ священникъ Афанасьевъ, выборный отъ области Войска Донского, доказывалъ, что иногда необходимо признавать десять библейскихъ заповѣдей, иногда только девять. Одну разрѣшается „просмотрѣть“, хотя въ то-же время онъ назвалъ эту заповѣдь „великой“. Возможность двойкаго счета свящ. Афанасьевъ пояснилъ на примѣрѣ своей собственной практики въ Думѣ. Недѣли двѣ—три назадъ Госуд. Дума выразила осужденіе смертной казни. М. А. Стаховичъ предложилъ осудить и политическія убійства. Это было и справедливо и логично: ни казнить никому никого, ни проливать ничьей крови! Голосъ его остался голосомъ вопіющаго въ пустынь, и злое, упрямое молчаніе этой пустыни, не нарушили отцы іереи, сидѣвшіе на думскихъ креслахъ въ своихъ рясахъ съ крестами.

И о. Афанасьеву крестъ ни о чемъ не напомнилъ, онъ молчалъ и, мысленно перебирая заповѣди, насчиталъ ихъ всего десять: „великую“ заповѣдь „не убій“ онъ позабылъ въ тотъ день. Она пришла ему на память только вчера въ то время, какъ говорилъ о смертной казни

главный военный прокуроръ. Тогда „служитель Бога свободы и любви“ очнулся, еще разъ пересчиталъ заповѣди, и на этотъ разъ нашелъ пропавшую заповѣдь; всего ихъ оказалось теперь десять, и забытая приказывала „не убій!“

Забывчивый священникъ говоритъ про Бога любви и свободы, но Онъ и Богъ истины: о. Афанасьевъ это тоже „просмотрѣлъ“ и слукавилъ. Два раза слукавилъ: когда осуждалъ одни убійства и молчалъ о другихъ, и когда, нападая на смертную казнь, передернулъ даже само евангеліе.

„Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ“,—предостерегаетъ онъ тѣхъ, кто казнить. Но пусть припомнить слабопамятный духовный ораторъ, при какихъ условіяхъ сказала Христось эти слова. Толпа народа со служителями первосвященниковъ и старѣйшинъ пришла схватить Его. Петръ извлекъ мечъ и ударилъ раба первосвященника; Христось приказалъ ему „вложить мечъ въ ножны“, ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечомъ погибнутъ“. Пусть о. Афанасьевъ перенесетъ сцену въ наши дни, и пусть совѣсть подскажетъ ему, что онъ долженъ былъ сдѣлать, когда каждый день приходили вѣсти о взрывахъ и убійствахъ. Но даже убитые и изувѣченные въ Севастополѣ не воскресили въ памяти этого священника шестой заповѣди, хотя онъ и не забылъ, какъ „одинъ министръ запретилъ молиться за легендарнаго бойца за свободу Шмидта“, дѣйствительно въ томъ же Севастополѣ.

Такимъ образомъ не только „молитвенникъ земли русской министр Дурново“, какъ каламбурить о. Афанасьевъ, „просмотрѣлъ“ великую заповѣдь „не убій“, но и самъ онъ, священникъ, „служитель Бога свободы и любви“, или забылъ ее, или читаетъ по своему: „Генераль-губернаторъ! не убій!“ Другіе пусть убиваютъ: не всякая кровь ужасаетъ такихъ людей, какъ отецъ Афанасьевъ.

Недавно земляки о. Афанасьева послали ему слѣдующее открытое письмо, помѣщенное въ газ. „Колоколь“:

„Ваше благословеніе, о. Клавдій!“

Въ засѣданіи Государственной Думы 1 іюня с. г. вы говорите: „Мы живемъ въ такіе дни, когда *долженъ* торжествовать великій завѣтъ: поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ“. „Но вѣдь правительство такъ и поступаетъ, — оно взявшихъ мечъ или бомбу, мечемъ и губить, т. е. казнить.

Выходитъ, что и укорять-то *вамъ* министровъ за исполненіе ими указаннаго *вами* завѣта — нельзя.

Далѣе вы говорите: „что же сказать имъ (министрамъ) въ третій разъ?.. Богъ заклеймилъ печатью проклятія перваго братоубійцу Каина. Скоро можетъ разразиться снова гнѣвъ Божій и надъ *этими* насильниками“.

Почему-же позвольте спросить, только надъ *этими* насильниками? Почему не упоминаете о политическихъ убійцахъ? Развѣ *имъ* можно нарушать великую заповѣдь „Не убій“? Развѣ 6 заповѣдь не про нихъ писана?

Нѣтъ, батюшка, вы, какъ священникъ и какъ служитель Бога, Бога свободы, любви и правды, не должны умалчивать о нихъ. Если-бы только вы *искренно* скорбѣли о нарушеніи 6 заповѣди, то за время существованія Государственной Думы нашли бы очень и очень много случаевъ громогласно осудить *всѣхъ* убійцъ, *всѣхъ* нарушителей 6 заповѣди. Но вы молчали.

И въ своей рѣчи про нихъ не упомянули: а между тѣмъ не будь бомбометателей, не будь политическихъ убійствъ, пожалуй бы и казнигъ министрамъ некого бы было. Но вы очевидно чувствуете какую-то симпатію къ политическимъ убійцамъ и нарушителями 6 заповѣди почему-то ихъ не считаете. Справедливо-ли это, о. Клавдій? А еще считаете себя служителемъ Бога! Намъ, вашимъ землякамъ—донцамъ приходится краснѣть за васъ, какъ своего депутата, и скорбѣть какъ за духовнаго отца“.

Въ такомъ же духѣ ораторствовалъ въ Думѣ и Воронежскій депутатъ свящ. о. Поярковъ.

Когда въ Думу былъ внесенъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни и лидеръ кадетской партіи Набоковъ предложилъ передать его въ комиссію, то высту-

нили ораторы крайнихъ партій, протестовавшіе противъ этого. Въ числѣ ихъ былъ и свящ. о Поярковъ, который сказалъ, что, передача законопроекта въ комиссію излишня и неумѣстна. Правительство издѣвается надъ Думой. Живя въ провинціи я не вѣрилъ газетамъ и только въ Петербургѣ понялъ, какъ правительство зазналось. Смертная казнь заведена безъ всякаго закона, значить, отмѣна должна послѣдовать тоже безъ закона. Надо представить Государю; Онъ подпишетъ: Быть по сему. И если смертная казнь не будетъ отмѣнена, то изъ Петербурга надо уѣхать по домамъ. Безчестно было бы жить здѣсь, да получать деньги (аплодисменты среди крестьянъ).

Затѣмъ, когда Госуд. Дума, обнаружившая полное равнодушіе къ погрому русскихъ помѣщичьихъ усадебъ, съ удивительной поспѣшностью поторопилась сдѣлать запросъ о еврейскомъ погромѣ въ Вѣлостокѣ, то въ ряду ораторовъ, которые еще не зная, въ чемъ дѣло, уже обвиняли правительство и администрацію въ происшедшемъ погромѣ, выступилъ тотъ же о. Поярковъ.

„Говоря о погромахъ, сказалъ онъ, мы должны отмѣтить, что кромѣ правительства виновата въ нихъ еще извѣстная часть прессы. Я былъ еще совсѣмъ маленькимъ, когда мнѣ приходилось читать, что самые опасные враги для цѣлости Россіи, поляки и жидаы. Недавно одна газета сообщила, что мы постановили, по предложенію еврея, праздновать субботу. Послѣ того я сталъ получать много писемъ. Въ одномъ изъ нихъ высказанъ упрекъ, зачѣмъ Г. Д. въ угоду жидамъ отказалась отъ своего православнаго праздника и постановила праздновать шабашъ. Въ виду этого я просилъ бы назначить двухъ членовъ Думы, которые привлекали бы газеты къ отвѣтственности за всякую клевету“.

По этому поводу „Колоколь“ замѣчаетъ: о. Поярковъ сердится, что не всѣ въ восторгѣ отъ Думы. „Я просилъ бы, говорить смиренный по сану ораторъ,—назначить такихъ членовъ Думы, которые привлекали бы газеты къ отвѣтственности за всякую клевету“.

Что же? Дай Богъ нашему телятѣ да волка съѣсть. Онъ очевидно, затѣваетъ грандіознѣйшій планъ свирѣпой

думской цензуры, отъ котораго населенію, еще не облагодѣтельствованному неприкосновенностью личности, небо съ овчинку покажется.

Не въ обиду будь сказано либеральному батюшкѣ, проповѣдующему репрессію и нетерпимость, онъ достаточно простоватъ. Это не клевета, когда говорятъ правду о Думѣ. А для того, чтобы уважили достоинство Думы, надо, чтобы она проявила это достоинство. А то обязательное уваженіе къ Думѣ, не достойной уваженія, это уже дѣло жесточайшаго обскурантизма и злѣйшей тираніи“.

Такимъ образомъ, насколько можно судить изъ приведенныхъ отрывковъ рѣчей с. Афанасьева и о. Пояркова, (къ нимъ можно присоединить еще и Вятскаго депутата о. Огнева) въ Государственной Думѣ имѣлись и представители, такъ называемаго „прогрессивнаго“ духовенства.

4 іюня о.о. депутаты были приглашены Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ, который желалъ лично увидать представителей духовенства въ Думѣ и познакомиться послѣднихъ съ о.о. членами Государственнаго Совѣта въ видахъ взаимнаго объединенія въ общей государственной работѣ.

Передаемъ со словъ „Рѣчи“ бесѣду, происходившую на митрополичьемъ приѣмѣ о.о. членовъ Думы и Совѣта.

Митрополитъ Антоній указалъ на то, что для болѣе правильнаго хода работъ на пользу государства очень желательно было бы, чтобы члены Государственной Думы священники познакомились съ членами Государственнаго Совѣта и поддерживали бы другъ съ другомъ правильныя сношенія. Кромѣ того, митрополитъ высказалъ пожеланіе, чтобы всѣ священники, члены Думы, дѣйствовали въ Думѣ сообща. Далѣе онъ возбудилъ вопросъ объ отчужденіи земельной собственности, причемъ высказался за отчужденіе частновладѣльческихъ земель въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого требуютъ общегосударственные интересы, и въ подтвержденіе своей мысли сослался на отчужденіе земель подъ желѣзныя дороги и для общественныхъ надобностей.

Противъ отчужденія частной собственности выска-

заялся проф. Горчаковъ, который буквально засыпалъ своихъ собесѣдниковъ ссылками на ученыхъ и философовъ до Прудона включительно. Ему горячо возражали священники Поярковъ, Огневъ и Афанасьевъ, ставъ на точку зрѣнія евангелія.

Въ частности, разговоръ коснулся вопроса объ отчужденіи церковныхъ земель. Противъ отчужденія этихъ земель высказались священники Гума и Концевичъ. Свящ. Воздвиженскій сказалъ пожеланіе, чтобы послѣ отчужденія церковныхъ земель духовенство было обезпечено жалованьемъ. Въ такомъ же духѣ говорилъ и митрополитъ Антоній. Священникъ Концевичъ горячо отстаивалъ взглядъ, что отнятіемъ церковныхъ земель, которыхъ счень мало, народу не будетъ оказано никакой серьезной помощи. Помимо того, надо считаться еще съ тѣмъ, что церковныя земли являются „фундаментомъ“ церкви. На это возразилъ членъ Думы Поярковъ, что съ міру по ниткѣ—голому рубашка. Если духовенство Россіи, сказалъ онъ, не измѣнитъ свои отношенія къ народу, то не только имѣющіяся нынѣ въ распоряженіи cadaго священника три десятины земли, но и 300 десятинъ не сохранятъ церкви отъ разрушенія.

По вопросу о свободѣ совѣсти, митрополитъ выразилъ удовольствіе, что, наконецъ, выработанъ законъ о вѣротерпимости. По его словамъ, вѣра въ Христа не нуждается ни въ какихъ принудительныхъ мѣрахъ.

На вопросъ профессора Буткевича, долго-ли продолжится дѣятельность Думы, Митрополитъ Антоній сказалъ, что онъ слышалъ будто Государственный Совѣтъ будетъ засѣдать до середины лѣта; до этого времени, по всей вѣроятности, будетъ работать и Дума.

Передъ уходомъ свящ. Поярковъ спросилъ митрополита, остаются ли за священниками ихъ приходы, въ виду избранія ихъ членами Думы. Митрополитъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ.

Члены Думы были приняты митрополитомъ весьма любезно и предупредительно.

„Полт. Еп. Вѣд.“

Молящіяся дѣти.

Я НЕ знаю на свѣтѣ ничего трогательнѣе, ничего чище, ничего, что бы сильнѣе и скорѣе настраивало душу на высокій ладъ, какъ видъ молящихся дѣтей.

Когда видишь ребенка, еле умѣющаго лепетать слова рѣчи человѣческой, слабымъ неокрѣпшимъ языкомъ произносящаго великое имя Божіе; когда представляешь себѣ непостижимаго Творца міровъ и Владыку вселенной, заботливо склоняющагося, чтобъ съ любовью принять этотъ лепетъ исповѣдующаго Его дѣтскаго сердца: тогда какое глубокое волненіе охватываетъ душу, и самому хочется броситься на колѣни, и молиться рядомъ съ ребенкомъ.

И вспоминаются мнѣ тогда дѣтскіе годы многихъ святыхъ, которые, еще не умѣя говорить, уже чувствовали всею душою Бога и уже служили Ему.

Предо мною проходятъ тѣ русскія дѣти, которыя впоследствии осятели русскую землю благоуханіемъ своей чистой души, которыя были, такъ сказать, прирожденными святыми, чьи очи увидѣли міръ духовный раньше, чѣмъ земныя вещи.

Я вижу высокій теремъ въ Кіевѣ, во дворцѣ Владиміра „Краснаго Солнышка“ и сына его, князя Бориса, читающаго младшему брату Глѣбу вслухъ сказанія о страданіяхъ мучениковъ. Слезы льются по лицу юноши, и онъ восклицаетъ: „Господи, дай мнѣ участвовать въ произволеніи мучениковъ Твоихъ; научи меня подражать имъ!“ А сердце маленькаго Глѣба тоже полно неизъяснимыми чувствами и жаждетъ не славы земной и счастья земного, а страданія за Христа и скорѣйшаго соединенія съ Нимъ. А въ небѣ ангелы сплетаютъ для обоихъ братьевъ свѣтлыя вѣнцы мученическіе...

Встаютъ предо мною однообразныя окрестности древняго Ростова, усадьба боярина Кирилла, гдѣ протекаетъ благословенное дѣтство его сына Варѣоломея, будущаго дивнаго Сергія, игумена земли Русской. Я вижу, какъ таинственный старецъ даруетъ мальчику, посланному въ

поле за лошадьми, разумніе грамоты, какъ уже въ эти годы онъ начинаетъ свой великій подвигъ, уединяется для молитвы, ходитъ ко всѣмъ службамъ въ церковь, читаетъ священныя книги и постится...

Преодо мною разстилается поле въ подмосковной мѣстности, и по этому полю, пригожимъ весеннимъ утромъ, шустрый сынъ боярина Феодора Бяконта *) раскинулъ силки для ловли птицъ... и раздается вдругъ голосъ среди тишины поля: „Алексѣй, къ чему тутъ трудъ твой: тебѣ надо быть ловцемъ людей“... **)

Вижу я домъ въ Курскѣ благочестивой вдовы Мошпиной. Множество иконъ виситъ по стѣнамъ и тихо теплятся предъ ними ряды разноцвѣтныхъ лампадъ. Хозяйка дома сидитъ за работой — шьетъ бѣлье для бѣдныхъ, которыхъ много на ея рукахъ, и въ то же время рассказываетъ о святыхъ маленькому сыну своему Прохору ***). Мальчикъ не сводитъ глазъ съ устъ матери, и въ дѣтскомъ воображеніи встаютъ эти древніе отшельники, ушедшіе въ глубь лѣсовъ и пустынь, подальше отъ людей, поближе къ Богу; и хочется ему стать такимъ же, какъ тѣ, и отдать Богу всѣ свои силы, всѣ свои мысли, всю свою жизнь...

Святые, чудные воспоминанія!

А потомъ вспоминаются мнѣ другія дѣти, которыхъ я видалъ, о которыхъ слыхалъ или читалъ и которыя всѣ ясно чуяли Бога своей безхитростной свѣжей душой.

Великій композиторъ Моцартъ, будучи 23-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, съ восхищеніемъ вспоминалъ о религиозныхъ впечатлѣніяхъ своего дѣтства. „Мнѣ казалось, что въ тихомъ настроеніи воскресныхъ дней на меня спускались съ неба поцѣлуи, звуки колоколовъ наполняли мою душу невыразимою сладостью; молитва доводила меня до восторга. И тогда я чувствовалъ непреодо-

*) Впослѣдствіи великій святитель Московскій Алексѣй.

**) Духъ назвалъ его по крещенному имени—Елевѣрій (свободный)—именемъ знаменательнымъ. *Ред.*

***) Будущій великій старецъ Серафимъ Саровскій.

лимое желанье скитаться по лѣсамъ и созерцать сквозь слезы цѣлый міръ, который мнѣ улыбался “.

Въ одной приходской церкви я видалъ бѣднаго горбатенькаго мальчика съ умненькимъ пріятнымъ лицомъ, который становился всегда у „канона“—столика, на который ставятъ свѣчи „за упокой“. Онъ тщательно наблюдалъ за этими свѣчами, убиралъ догоравшія свѣчки, ставилъ на ихъ мѣста другія, и во всей его болѣзненной фигуркѣ выражалось величайшее усердіе и благоговѣніе. И когда я вглядывался въ его лицо, мнѣ казалось, что онъ ясно видитъ, за огнями этой сотни свѣчей, Того, предъ Кѣмъ онѣ зажжены, какъ даръ умиловительной молитвы, скорбящими въ разлукѣ и незабывающими дорогихъ ушедшихъ людей.

Въ одной Петербургской часовнѣ я встрѣтилъ прелестную дѣвочку лѣтъ четырехъ, нарядно одѣтую во всемъ бѣломъ, съ пожилою нянею. Няня поставила свѣчку предъ образомъ угодника и, поднявъ свою питомицу на руки, поднесла приложить ее къ образу. Я спросилъ няню, часто ли онѣ тутъ бываютъ.

— Почитай, всякій день!—отвѣчаетъ няня.—Очень ужъ наша барышня церковь любить. Какъ пойдемъ гулять все меня, къ часовнѣ тянетъ. И непременно чтобъ свѣчку поставить. Вотъ еще очень нищихъ любить. Какъ встрѣтится съ нищимъ, всегда ужъ подаетъ. У меня для этого всегда много мѣди заготовлено.

Прелестный ребенокъ молчалъ, вода вокругъ своими умными, ясными темносиними глазами, и я думалъ про себя: „какое бы горе, когда ты вырастешь, ни взвалила тебѣ судьба на плечи, все ты осилишь со своею теплою вѣрой“.

Господи, Господи, Ты, Который сказалъ, что надо стать какъ дѣти, чтобы войти въ царство небесное: умножи въ насъ вѣру до степени безхитростной и ясной

вѣры дѣтей. Дай намъ ихъ незлобивое кроткое сердце, ихъ чистоту и незнаніе зла, чтобъ, когда мы говоримъ Тебѣ великія слова: „Отче нашъ“,—мы были предъ Тобою малыми, непорочными, беззавѣтно любящими дѣтьми Тебя, Небеснаго Отца. (Таврич. церк.-Общ. Вѣстн.).

Е. Поселянинъ.

Содержаніе № 37.

Отдѣль I. Дѣяствія Правительства.—Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.—Вакантныя мѣста.

Отдѣль II. Хроника.—Вдали отъ неба.—Голось духовенства въ Государственной Думѣ.—Молящіяся дѣти.

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей Николай Диковскій.

Печатать разрѣшается, г. Гродна, 15 сентября 1906 г.

И. д. цензора Свящ. П. Дедовичъ.

Грод. Губ. Тип.